

Белобородый старик

Были два купца, два брата, один купец помер, осталса сын молодой. Купец поежжать стал за морё, караблём торговать, а племянник проситсе у матери: «Спусти меня с дядей торговать». Мати спустила, дала ему сто рублей денёг.

Отправились, бежали по морю, прибежали, стали на пристань карабельню, пошли заявить себя заморскому царю и прописать билеты. Заевили. Заморской царь сказал:

— Молодцы торгуйте, только в городе нашем есь белобородой старик, он кого обторгуёт, обворуёт, на его суда нет.

Дядя молчит, а племянник говорит:

— А его хто обторгуёт, обворуёт, того судят-ле?

— Нет, и того не судят.

Племянник сказал:

— Нельзя-ле у вас, ваше царское величество заруцно писемцё выпросить.

Царь приказал написать, свою руку подписал, отдал заручно писемцё. Пошли óбои с дядей.

Идёт племянник возле ту лавку, где белобородый старик торгует.

— Што, молодеч, ходишь? Товар наш не гленетця, але в карты поиграть хочешь?

— Товар ваш не глянетса.

— У меня есь на дому — по уму, за посмотреньё сто рублей.

Пошли в дом; завёл в свои горницы, старик велел своей бабы донага́ раздетця и провёл по комнаты нагу́.

— Ну, отдай сто рублей. Мальчик отдал сто рублей.

Зау́тра дядя карап погружает, у племянника ничего не винно. Отправились в своё место.

Прибежали, стали на пристань карабельню. На другой день дядя стал из карабля выгружать, а у племянника мати спрашивает:

— А ты што нечево не делаешь?

— Я, мама, товару закупил, да денег не достало, товар не выдали.

— А глупой ты сын! У тебя прежде отец так торговал: сколько денег, столько товару купит.

Долго-ле, коротко-ле после того дядя опять стал поежжать за море караблём торговать. Племянник опять просится у матери:

— Спусти и меня с дядей.

Мати спустила, дала ему сто рублей денёг¹.

...Дядя карабль нагружает, а у мальчика нечево не видно, после прохватилса — у дяди паруса подняты. Мальчик стал ходить по городу от безделья и увидал жону белобородого старика.

— Ах, голубушка, я за тя триста рублей отдал, а с тобой не разу не было, хоть бы однёш со мной согласилась.

Потом с бабой согласились, она пригласила его к себе в дом, стала по секрету держать его в доме, в особых комнатах. Говорит баба:

— Раз сходишь, со стариком в карты поиграешь?

— Можно.

— Только возьми его шапку, налож, да играй, старик будет на шапку гледеть, а ты не зевай.

Пошел мальчик возле эту лавку, кричит старик:

— Товар наш не глянетца, але в карты поиграть хошь?

— А в карты поиграть хочу.

— Ну иди, будём играть.

Пришел мальчик, стали играть, положил шапку на выручку. Первой раз сыграли, со старика сто рублей, второй раз сыграли, со старика сто рублей, третьей — сто рублей. Стал старик оканчивать игру, походить домой. Мальчик взял шапку, «прощай» сказал, ушел.

Пришел домой, повесил шапку, где раньше висела, и подкрытие ушел в другу комнату.

Старик пришел домой, спрашивает свою жону об шапке:

— Ах, ты курва, така-сяка, где моя шапка?

— Што ты, старик! Глуп-ле, умён? Где была шапка, тут и веситця.

— А какой-то мужик приходил со мной в карты играл, совсем моя шапка, всё смотрел на нее, триста рублей денёг проиграл.

Баба старика стала бранить:

— Дикой ты старик! Недаром ты и деньги-то проиграл. Шапка в шапку не находитця? Сапоги в сапоги находятця, человек в человека находятце, не то шапка в шапку находятце.

Опять жили долго-ле, коротко-ле после того, опеть стала баба мальчика посылать:

— Бат, сходишь со стариком в карты поиграшь?

— Можно.

— Одень его сапоги да и играй².

...В три раза выиграл у старика девецот рублей. Жили долго-ле коротко-ле, баба стала говорить мальчику:

— А што мы воровски живём? Лучше нам наружно жить.

— А как наружно жить?

— А худо платьё оболочи, приходи наймоватця в роботники, нам роботника надо.

Мальчик одел худо платьё, пришел в кою пору старик обедал. Стал старику наймоватця в роботники, плату просить недорого, а старик на дешово лакомой. Скоро, на двух словах со стариком изладились.

Жил у старика долго-ле коротко-ле в работниках. Старику стала хозяйка говорить:

— Ты себе дак работника нанел — замену, а мне дак замены нету; надо работнику нанять, либо работника женить.

Спросили работника:

— Будёшь-ле женитця?

— Можно.

Белобородой старик спросил:

— Откуль будем за него невесту брать? А хозяйка ответила:

— У соседа есть девка, можно взять. А старик на то сказал:

— Я эту девку не видал.

— Не видал, дак вот светать будет, она крыльцо пахать будёт, посмотри.

Светать стало, старик оделса, пошел смотреть. Баба передела платьё, занными дверями обошла, пашот суседово крыльцо. Старик подошел, посмотрел, пошел обратно; баба обежала занными дверми, встречат старика, спрашиват:

— Ну, какова, понравилась-ле.

— А нечего, бойка девка, одним словом, и росту немалого, подхожа совсем на тя; вы находитесь с ей, дак как мы будем признавать?

— А, дикой ты старик! Не по лицу дак по платью можно признать: хозяйка ведь в хорошем платье, работница ведь в плохом.

— А то пожалуй и так.

Ну, пирком-свадебкой, стали женить, а сусед стал присватывать и отдавать — за деньги да, вино да роботат. Стали пить свадебно, пировали трои сутки. Старик напилса шипко пьяной, даже с ног свалилса; подымет голову:

— Выпей свадебно, свадебно!

Выпьет и опять уснёт. А тою пору песни, музыка играт, барабаны бьют; старик подымет голову, опять ему повторят.

А в это времё мужики и бабы нагружают караб товаром, из кладовых, из лавки всё обрала, всё сгрузили на караб.

После того проснулса старик, стал ходить по комнаты: в той комнаты пусто, в другой нет ничего, не жены своей, не работника с молодкой натти не мог. Осмотрел свои кладовы, анбары, лавки, везде нечего нету, обрано, и вдруг заявляет полиции:

— Меня обворовали, ограбили.

Розыски стали, искать стали, розыскали мальчика со стариковой женой на пристани карабельнѣй. Мальчика взяли, повели к царю, царь стал допрашивать:

— Как ты старика ограбил?

Мальчик на то сказал:

— Помилуйте, ваше царское величество! Вот вам в таком-то году дана записка, в таком-то году друга, вот в таком-то третья.

Вынул три записки, положил на стол. Царь посмотрел на эти росписки.

— Нечего делать: царское слово назад не ворочатца.

Сказал на это белобородому старику:

— Ты прежде кого обторговал, обворовал, тебя не судили? И его судить некак.

Оттуль отпустил царь мальчика, мальчик пошел на караб, поднел паруса и отправилса домой со стариковой жоной. Бежали долго-ле, коротко-ле по морю, прибежали в свой город. Пришол к своей матери, объяснилса об своей женитбы и привѣз караб товару.

Ончуков Николай Евгеньевич. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб. 1908.

1 [Дословно повторяется та же самая история до трех раз].

2 [Повторяется история до трех раз, в третий раз только мальчик надел старикову шубу].